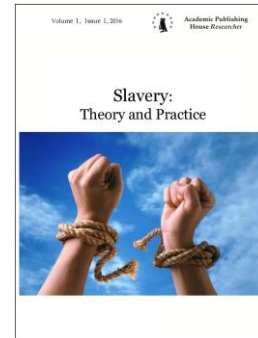

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2020, 5(1): 50-62

DOI: 10.13187/slave.2020.1.50
www.ejournal43.com

Perception of "White Slavery" by Don Pre-Revolutionary Authors: Mechanisms of Criticism and Self-Justification

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper is dedicated to the problem of perception, by the Don Cossacks of 19th-beginning of 20th century, of serfdom on the territory of the Don Host. By this time traditional images of Cossack as a defender of Russian land (i.e., the denizens of this land) and/or natural advocate of democracy had already formed. Understandably, the fact of spreading of, at first, slavery, and later serfdom among Cossacks did not correspond in any way with such images, and this contradiction even moved one of the first professional Don historians, P.P. Sakharov, to write a special research dedicated to «white slavery» (his original term) on Don.

However, analyzing the works of other Don authors on serfdom in the Don Host, we came to conclusion, that for Cossacks was common not the admittance of responsibility for subjugating part of Russian peasants, but, on the contrary, an idealization of the corresponding chapters of Cossack past. The majority of authors either at all did not evaluate the existence of serfdom on Don, or emphasized its relative easiness. Eventually this tendency built up, culminating in manifestation of a concept, according to which peasants consciously fled for Don to become dependents of Don officials, who established them good conditions. And even if separate instances of master's cruelty were admitted, they were attributed to a narrow circle of Don's high nobility, detached from the Cossack bulk.

Thereby the example of Don authors' perception of «white slavery» serves an apt illustration of how masters of dependent populace and their descendants vindicate themselves. Within the logical boundaries of most works we considered, former serfs in general mass did not suffer from their standing. And if individual authors stated the falsity of such perception, their works shortly after appearing were subjected to criticism.

Keywords: Don Cossackdom, serfdom, «white slavery», mechanisms of collective memory, regional historiography.

1. Введение

В 1911 г. в Новочеркасске вышла небольшая брошюра молодого историка П.П. Сахарова «Белое рабство на Дону» (Сахаров, 1911). Полемически заостренное, откровенно публицистическое название было выбрано автором не случайно. В конце своего исследования он противопоставлял «вольную реку» Дон, некогда населенную «вольными артелями-станицами», и «людей с волчьей пастью и лисьим хвостом, уничтоживших

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

древнее братство, а на место свободы-равенства кругом позаведших белое рабство» (Сахаров, 1911: 52).

В конце XIX-начале XX вв. донское казачество находилось в очень неустойчивом и своеобразном положении. Местная, специфически-казацья интеллигенция давно интересовалась своим прошлым, и первые книги «природных казаков» об истории Войска Донского появились еще в 1810 г. (Попов, 1814). Однако, чем дальше, тем больше история казачества становилась орудием в руках представителей различных политических сил, пытавшихся предложить свою трактовку казацкого прошлого. Этот процесс окончательно проявился после 1905 г., после создания Государственной Думы и легальных политических партий. Например, широко известный П.Н. Краснов, уже тогда отличавшийся крайне правыми взглядами, не только пытался «изъять» из истории казачества выступления против царской власти, приписав их немногим отщепенцам, но и подчеркивал вечную готовность казака защищать самодержавие: «Не раз донские казаки отстаивали Россию от врагов внешних и внутренних; давно ли, в 1855 году все войско поднялось на турок; при Петре казаки умирляли Астраханцев и Булавина, они боролись при Екатерине и против Пугачева – теперь Царь призвал их на защиту русских людей и русского дела от бунтовщиков, под флагом свободы желавших позора и неволи России» (Краснов, 1909: 516). Близкий социал-демократам С.Г. Сватиков, напротив, казаков самодержавию противопоставлял, позиционируя их как носителей совершенно иной, демократической линии развития русской государственности: «В эпоху, когда на развалинах федерации древнерусских княжеств и северо-русских республик укреплялось самодержавие царей московских, исконное русское начало народоправства возродилось к новой жизни в первобытных по устройству казацких демократиях» (Сватиков, 1924: 1).

Как мы видим, даже в провластной трактовке казаки выступали защитниками России от «позора и неволи». В оппозиционной они и вовсе представляли носителями исконных русских демократических традиций, искаженных московскими царями. Но ни в одну трактовку не укладывалось существование на «вольном Дону» крепостного права, «белого рабства», в которое казаки обращали собственных братьев по племени и вере. Между тем масштабы этого «рабства» были очень значительны. По официальным сведениям, к 1860 г. крепостные составляли почти 1/3 населения Земли Войска Донского, а в абсолютных числах их количество превышало 300 000 душ обоего пола (Краснов, 1863: 226-227). Таким образом, выходило, что «люди с волчьей пастью и лисьим хвостом», вместо того, чтобы оберегать русских от неволи или сохранять старинную демократию, сами взяли в рабство сотни тысяч крестьян.

На этом фоне обострение интереса к истории крепостного права на Дону в начале XX в. выглядит вполне закономерно. На наш взгляд, для большинства казаков, гордившихся своей личной свободой, разницы между крепостным правом и рабством вовсе не существовало, и каждый донской общественный деятель должен был как-то объяснить парадокс казака-рабовладельца хотя бы для себя. Кроме того, в условиях распространения грамотности и базовых исторических знаний (а, по некоторым оценкам, к 1914 г. в Российской империи образование в той или иной форме получало 80 % детей (Cherkasov, 2011: 146-147)), обвинения казачества или какой-то его части в рабовладении становились еще и политическим оружием, которое можно было использовать, как минимум, против потомков старой донской элиты, внуков и правнуков «рабовладельцев». Отметим, что это оружие в полной мере применяла ранняя советская историография, позиционировавшая донских дворян как аморальных и корыстолюбивых «хищников» (Королев, 1991: 233).

И в своей статье мы бы хотели проследить за тем, как эволюционировал образ донского крепостного права, «белого рабства», в трудах донских авторов XIX-начала XX вв. Не претендуя на полноту исследования и обращаясь только к наиболее важным работам, мы, тем не менее, хотели бы понять: как сами вольные казаки оправдывали превращение сперва своих современников, а потом недавних предшественников в рабовладельцев?

2. Материалы и методы

Число публикаций дореволюционных донских авторов, затрагивающих сюжеты, связанные с крепостным правом, достаточно велико. Однако большинство из этих текстов опубликовано в местной прессе и изначально были труднодоступны для массового

читателя. Мы обратимся только к важнейшим работам классиков донской дореволюционной историографии: к статистическим описаниям Войска Донского В.Д. Сухорукова, Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова, к книгам о донском зависимом населении П.П. Сахарова и Е.П. Савельева, а также к первой специальной статье о истории донского крестьянства А.А. Карасева. На наш взгляд, именно эти работы формировали для читателя образ донского крепостного права, а в хронологическом отношении они охватывают время с 1820 г. до 1917 г.

Таким образом, данных работ достаточно, чтобы с помощью историко-сравнительного метода проследить эволюцию отношения казаков к крепостному праву на Дону. Историко-биографический метод поможет нам определить, какую роль вносили личные общественные воззрения каждого автора в рисуемый им образ «белого рабства». Наконец, принцип историзма поможет нам понять, как социальные условия влияли на восприятие крепостного права большинством писателей определенной эпохи.

3. Обсуждение

Работ, специально посвященных вопросу о восприятии донскими казаками крепостного права и рабства вообще, до настоящего времени не написано. Что касается истории донского крепостного крестьянства, то крупнейшим специалистом в этой области является И.А. Ревин, автор монографии «Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г.» (Ревин, 2005). С другой стороны, различные аспекты истории донской общественной мысли и биографии важнейших ее представителей изучались Н.А. Мининковым (Мининков, 2015: 198-200), А.А. Волвенко (Volvenko, 2016: 33-40), Е.В. Стегленко (Стегленко, 2016: 66-69) и другими (Коршиков, Королев, 2001: 8-14).

4. Результаты

Подобно большинству сюжетов в донской историографии, вопрос о донских крепостных первым начал рассматривать В.Д. Сухоруков, личность для позднейших донских общественных деятелей почти сакральная. Биография В.Д. Сухорукова была недолгой и несчастной: один из первых образованных донцов, благодаря уму и талантам ставший чиновником для особых поручений при будущем военном министре А.И. Чернышеве, он сблизился с декабристами, что привело к его опале (Коршиков, Королев, 2001: 8-14). В результате тексты, над которыми в первой половине 1820 г. работал В.Д. Сухоруков, ждала странная судьба. Как сообщалось в первом издании его «Статистического описания Земли Донских казаков» (издании, вышедшем через полвека после смерти автора), молодого офицера, работавшего по правительственному заданию над составлением книги по истории и статистике донского края, после событий 1825 г. заставили сдать «все совершенно материалы, и чтобы ни одной из бумаг этих и никакого с них списка или копии не выданным не осталось» (Сухоруков, 1891: II). После этого рукописи дорабатывались и переделывались другими лицами, значительно смягчавшими многие места. «После опалы на В. Сухорукова сочинения его процеживались через густую подозрительность Богдановича (преданного правительству генерала – А.П.), и более видные места по непосредственному его указанию урезывались и переделывались», – сообщал на этот счет младший современник историка И.С. Ульянов (Коршиков, Королев, 2001: 13). Поэтому вопрос о том, насколько полно материалы В.Д. Сухорукова о донских крестьянах отражают истинную точку зрения автора, остается открытым. Почти наверняка имела места если не цензура внешняя, то самоцензура близкого к декабристам общественного деятеля, прекрасно понимавшего неуместность критики крепостного права в книге, написанной по правительственному заказу.

В подобных условиях В.Д. Сухоруков отказался от прямой оценки самого факта существования крепостного права на Дону; не критиковал он и правительство, допустившее крепостничество на традиционно не имевшую его территорию. Тем не менее, донской автор сумел найти довольно остроумный способ продемонстрировать аморальность донского крепостного права. Несколькими предложениями он показал, что своим возникновением донское крепостничество было обязано казачьей верхушке, донскому чиновничеству, обманом захватившему множество «малороссиян, приходивших на Дон исстари, но всегда с намерением поступать в казачье звание» (Сухоруков, 1891: 90). В интерпретации

В.Д. Сухорукова крепостные появились в Войске Донском так: «Многочисленные толпы малороссийских казаков и крестьян, прельщенные украшенными слухами о привольной и выгодной жизни на Дону, оставив жилища свои, приходили в пределы войска, как и прежде, с намерением поступать в казаки. Но донские чиновники, под разными предложениями самопроизвольно поселивши их на общественных войсковых землях, записали за собою и назвали их крестьянами» (Сухоруков, 1891: 90). Более того, по В.Д. Сухорукову, донские чиновники обманывали не только крестьян, но и власти, поскольку до 1796 г. их владение крепостными «не было дозволено никаким гласным законом» (Сухоруков, 1891: 90). Для основной же массы казаков появление крепостных на Дону было «вовсе бесполезным», и В.Д. Сухоруков одобрял действия правительства как по запрету перевода крепостных на Дон, так и по обращению в казаки крестьян, числившихся не за конкретным помещиком, а за станицей (Сухоруков, 1891: 90-91).

Таким образом, предложенную В.Д. Сухоруковым концепцию возникновения крепостного права на Дону можно назвать «антидворянской». В ее рамках вину за распространение на Дон крепостничества следовало возложить исключительно на узкий круг донских чиновников, будущих дворян. При этом для классика донской истории характерна еще одна особенность, вероятно, вызванная спецификой времени: само крепостное право он не осуждал и о его чуждости донским традициям вольности не писал, концентрируя свой критический пыл исключительно на обмане, при помощи которого крепостничество было распространено на территорию Войска Донского.

И если не критическое восприятие крепостного права, как мы увидим ниже, пришлось по душе другим казачьим автором, то с «антидворянским» элементом сочинений В.Д. Сухорукова начали скрыто полемизировать уже в 1860 гг., до публикации его трудов (они были доступны в рукописи, на что указывал ряд современников (Краснов, 1863: 4)). И.И. Краснов, один из крупнейших донских помещиков, опубликовал тогда статью «Малороссияне в Войске Донском». Хотя с ее оригиналом ознакомиться мы не смогли, известный историк В.Н. Королев отмечал, что И.И. Краснов возлагал ответственность за донское крепостное право на Г.А. Потемкина, «усиленно раздававшего на Дону местным владельцам войсковые земли для более успешного их заселения» (Королев, 1991: 225). При всем отличии этой «антиправительственной» трактовки возникновения крепостного права на Дону от «антидворянской» их объединяло то, что, с одной стороны, зарождение донского крепостничества представлялось этим автором чем-то постыдным, недостойным уважения, а, с другой, сама логика рассуждений их строилась так, чтобы снять ответственность за это событие с основной массы казачества.

Почему же И.И. Краснов, человек весьма либеральных взглядов, не поднял вопроса о аморальности существования уже возникшего в казачьей среде крепостничества? В 1860 гг., с учетом ослабления цензуры, это уже не было невозможным. И все же уподобление крепостничества рабству, возникшее у более поздних донских авторов, в работах казаков, заставших его лично, непредставимо. Дело в том, что к середине XIX в. на Дону было 2 904 помещика из казаков, владевших крепостными (Краснов, 1863: 227). Учитывая членов их семей, друзей и родственников, можно считать, что едва ли не вся донская элита была связана с крепостничеством, и оно воспринималось как норма даже людьми, сочувствующими русским крестьянам. В этой связи показательно, что И.И. Краснов не только пытался переложить вину за введение крепостного права в Войске Донском на имперские власти, но и в своей общественной деятельности заступался за интересы крестьян, «братьев наших по происхождению, языку и религии, братьев, которые единодушно с нами разделяют усердие к святой Христианской Вере и чувства преданности к престолу и отечеству» (ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 254). Но при этом личность будущего генерала и писателя в значительной степени сложилась в имении своего деда, И.К. Краснова, в котором, судя по описываемой зажиточности, имелись крепостные (Воспоминания..., 1873: 369-370). Да и долгое время бывший близким другом И.И. Краснова И.С. Ульянов, кстати, ярый защитник казачьих традиций и вольностей, уже в сознательном возрасте приобрел небольшое имение с 29 крепостными крестьянами (Морозова, 2007: 308-327). Таким образом, остается констатировать, что для донских авторов XIX в., сформировавшихся в эпоху крепостного права, вопрос о том, как сочетаются казачья вольность и «рабство»

просто не стоял: они выросли в среде, где это сочетание было свершившимся фактом, они принимали крепостное право как данность и не рефлексировали по его поводу.

Вполне естественно, что со временем появились и люди, пытавшиеся обосновать процесс закрепощения казаками единоверцев и современников, великорусских и малороссийских крестьян. В 1863 г. было, наконец, опубликовано первое официальное историко-статистическое описание Земли Войска Донского, выполненное сыном И.И. Краснова, Н.И. Красновым (Краснов, 1863). Н.И. Краснов во многих местах дословно воспроизводил известный ему неопубликованный текст В.Д. Сухорукова, что, впрочем, было нормой для донской историографии того времени. Однако молодой исследователь почти полностью убрал обвинения в отношении донских чиновников, и включил историю о призыве ими переселенцев на Дон в совершенно иной контекст, в корне меняющий логику предшественника.

Прежде всего, с точки зрения Н.И. Краснова, российские крестьяне шли в земли Войска Донского не «прельщенные украшенными слухами о привольной и выгодной жизни», но потому, что в казачьих станицах их действительно ждала «привольная жизнь богатой естественными дарами донской земли» (Краснов, 1863: 193). Более того, Н.И. Краснов писал, что в привлечении зависимых крестьян были заинтересованы прежде всего не донские чиновники или представители имперской власти, но простые казаки. Согласно его версии, крестьянство появлялось в станицах так: «Донцы, со времени Петра Великого, не могли самовольно производить набеги на турок и татар и тем поддерживать свое материальное благосостояние. Находясь же по распоряжению русского правительства почти на постоянной службе, они принимали к себе беглецов от великороссийских и малороссийских помещиков соседних областей. Этим беглецам казаки отдавали свои земли для обработки. Вместе с этим от казаков нанимались особенные промышленники, которые уговаривали крепостных крестьян, а также других людей бросать свои прежние земли и поселяться на Дону» (Краснов, 1863: 193). Из дальнейшего текста Н.И. Краснова следует, что правительство об этой практике прекрасно знало и фактически узаконило ее в 1761 г., когда, в ходе третьей ревизии, крестьяне были приписаны к станицам, в которых они помогали по хозяйству (Краснов, 1863: 193). А после этого «старшины и атаманы» естественно начали принимать беглых с еще большим желанием, порой записывая их за собой, а не за станицами (Краснов, 1863: 193). Далее Н.И. Краснов дословно воспроизводил большой кусок сухоруковского текста, оставляя обвинение донских чиновников в обмане крестьян, бегущих на Дон в надежде получить казачье звание, но, исходя из логики предыдущих рассуждений, снимая с них обвинения в обмане правительства и незаконном приписывании себе беглых (Краснов, 1863: 193).

Таким образом, в интерпретации Н.И. Краснова, появление на «вольном Дону» зависимого населения было следствием не алчности донских чиновников или ошибки Г.А. Потемкина. Это было логическим и неизбежным следствием подчинения казаков Российской империи. Запретив казакам ходить в мирное время в набеги на соседей и увеличив число казачьих частей в российской армии, власти вынуждали Войско Донское создать на Дону группу населения, которая поддерживала бы казачьи хозяйства в отсутствие мужчин, чья служба не приносила прежнего богатства. Более того, возлагая ответственность за появление крепостного права на Дону на всех казаков и подчеркивая объективность этого процесса, Н.И. Краснов делал и следующий шаг в оправдании донского «рабства», доказывая, что донским крепостным, вообще-то, жилось совсем неплохо. Кратко останавливаясь на этом сюжете, исследователь постулировал, что «положение донских крестьян сравнительно было лучше, чем в других губерниях, по обширности угодий помещиков и плодородию почвы» (Краснов, 1863: 236). Это не значит, что донской автор считал положение бывших крепостных не нуждающимся в улучшениях; напротив, он подчеркивал, что в ходе грядущих реформ Войска Донского нельзя забывать о «мерах для благоденствия временно-обязанных крестьян, этой трети населения донской земли, предки которых носили иногда славное имя малороссийских и запорожских казаков» (Краснов, 1863: 232). Но факт остается фактом: тенденция к некритическому принятию существования крепостного права на Дону, характерная для донских авторов, росших и воспитывавшихся до 1861 г., именно у Н.И. Краснова превратилась, по сути, в оправдание того, что исследователи следующего поколения назовут «белым рабством».

И, судя по всему, именно идеи Н.И. Краснова, а не его отца или В.Д. Сухорукова, наиболее соответствовали представлениям его образованных современников о донском крепостном праве. Во всяком случае, когда в 1867 г. вышла статья А.А. Карасева «Донские крестьяне», которую уже П.П. Сахаров определял как «самую крупную в донской историографии работу по разбираемому вопросу», ее автор продолжил развивать оправдательную тенденцию по отношению к донскому крепостничеству (Сахаров, 1911: 49). «А.А. Карасев настойчиво проводит мысль, будто бы кратковременное, «не получившее крепкого права гражданства», крепостное право не успело пустить на Дону «глубокие, отупляющие нравственную жизнь корни», – писал на этот счет уже П.П. Сахаров (Сахаров, 1911: 49).

На самом деле, подобная трактовка несколько упрощает взгляды А.А. Карасева, известнейшего донского земского деятеля и краеведа, по крепостному вопросу. Прежде всего, следует подчеркнуть, что этот автор, в отличие от представителей семейства Красновых, крупным помещиком не был, и, соответственно, лично в оправдании крепостничества не был заинтересован; с другой стороны, он придерживался либерально-обличительных взглядов и даже издавал первую на Дону частную оппозиционную газету «Донской голос» (Донцы, 2003: 190-191). Вполне естественно, что на этом фоне А.А. Карасевым оказались востребованы «антидворянские» идеи В.Д. Сухорукова. Более того, именно А.А. Карасев первым из донских авторов поднял вопрос о аморальности крепостного права в его классическом варианте: «Чины создали аристократию, аристократия – роскошь, роскошь потребовала больших материальных средств для жизни – и братья по языку и вере перестали быть братьями до тех пор, пока на троне Александра II не заблистала яркая звезда освобождения» (Карасев, 1867: 74). Однако еще более востребованы донским автором оказались идеи Н.И. Краснова о сравнительной мягкости и естественности специфически донской версии крепостничества. А.А. Карасев противопоставлял немногочисленной донской крепостнической аристократии большинство донских помещиков, «бывших членами тех же станиц, не признававших в домашней жизни до настоящего столетия ни чинов, ни породы, а, следовательно, и далеких от угнетения своих братьев по языку и вере» (Карасев, 1867: 74). Понятно, что, в рамках подобной концепции А.А. Карасев использовал именно предложенный Н.И. Красновым вариант возникновения крепостного права на Дону: по его мнению, крестьяне вполне осознанно шли в «привольные донские степи», чтобы «поступить в услужение или станичных обществ, или именитых и зажиточных отдельных лиц» (Карасев, 1867: 72). Более того, из описания прихода в Донское Войско малороссийских крестьян впервые пропал сюжет о их обмане местными чиновниками, селившими крестьян на своей земле и записывавшими их в крепостные: согласно А.А. Карасеву, крестьян информировали о том, что их селят в качестве зависимых работников, и даже сразу обговаривали количество льготных дней в неделю (Карасев, 1867: 73). А завершая свою статью, исследователь делал такой вывод: «Если бы не запутанность в устройстве судьбы юртовых крестьян и не неоконченное до сих пор обмежевание владельческих дач, то, судя по общей готовности помещиков и крестьян поскорее закончить обязательные отношения, дело это в настоящее время уже приходило бы к концу так, что оставались бы на Дону едва заметные следы крепостного права, жившего здесь так не долго» (Карасев, 1867: 118).

Нам остается подвести некоторые итоги. Как мы видим, до 1860 гг. позиция важнейших донских авторов по вопросу распространения крепостного права в казачьей среде была не идентичной, но близкой в том плане, что все они принимали существование крепостничества на Дону за естественный, не подлежащий критике факт. При этом тенденция к оправданию донского крепостничества скорее нарастала, и жестче всего о его появлении писал еще В.Д. Сухоруков. Но, возможно, еще любопытнее то, что именно в это время возникли идеи, вовсе снимавшие с казаков ответственность за закрепощение крестьян. Авторы этого времени или доказывали, что донское крепостное право было крайне мягким (Н.И. Краснов), или возлагали ответственность за его появление на посторонних лиц/узкую группу донских чиновников (И.И. Краснов и В.Д. Сухоруков), или даже объединяли обе эти тенденции (А.А. Карасев). Таким образом, о осознании донскими казаками своей вины перед крепостными крестьянами говорить не приходится. Антикрепостническая линия в литературе и общественной мысли, характерная для России в

целом, на территории Земли Войска Донского развития не получила. Скорее можно говорить о неуверенной идеализации донского крепостного права, робких попытках рисовать идиллическую картину добрых отношений крепостных и помещиков-казаков, чуждых самой идеи подчинения человека человеку. Но и эти попытки были редкими и малочисленными, а в целом рефлексии проблемы закрепощения казаками крестьян не наблюдалось, и историография крепостничества на Дону была представлена всего одной серьезной специальной работой, статьей А.А. Карасева (труды других авторов затрагивали проблему крепостного права в казачьей среде, но, в целом, были посвящены другим сюжетам).

После того, как крепостное право окончательно ушло в прошлое, интерес донских исследователей к нему почти полностью сошел на нет. В публикациях же на другие темы донское крепостничество если и упоминалось, то в крайне идеализированном виде. Мы ограничимся примером из классического в донской историографии «Статистического описания Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова, написанного в конце 1870-начале 1880 гг.: «Указы, повторявшиеся с того времени очень часто, не могли остановить движения переселенцев, коих привлекали слухи о привольной на Дону жизни. <...>. Немало крестьян было записано также и за бригадиром Краснощековым, который открыто принимал на свои хутора беглых, давал каждому из них по 5 руб. на обзаведение и освобождал от всяких работ на себя в течение 5 лет. В старшинских хуторах жилось очень легко, что видно из отписок, посылаемых переселенцами своим землякам, коим они обыкновенно говаривали: «Никаких поборов и тягостей у нас не бывает» (Номикосов, 1884: 29-30). Крестьяне, своевольно бегущие на Дон, чтобы привольно жить на землях местных чиновников; их новые хозяева, в числе которых были признанные герои донского казачества, освобождающие крестьян от повинностей и дающие деньги на обустройство; восторг перебравшихся на новое место переселенцев – более благостную картину сложно даже представить!

Коренное изменение ситуации произошло только в начале XX в. В это время выходят две книги, П.П. Сахарова и Е.П. Савельева, специально посвященные истории зависимого населения Дона. Особенно любопытна работа П.П. Сахарова. Дело в том, что он был одним из первых донских историков, получивших соответствующее образование (в Харьковском университете), и даже удостоенным в студенческие годы золотой медали за свою научную работу (Мининков, 2015: 198-200). В то же время молодой историк придерживался крайне правых взглядов и был русским националистом, выступавшим против активно проявлявшего себя в 1910 гг. национализма казачьего (Мининков, 2015: 198-200). В итоге «Белое рабство на Дону» П.П. Сахарова, с одной стороны, в качественном отношении является бесспорно лучшей дореволюционной работой о зависимых людях в среде донского казачества, а, с другой, автор, несмотря на в целом высокую оценку подвигов и нравов казаков, открыто выступал против идеализации не только крепостничества, но и рабства на Дону вообще.

Это не неточность и не описка. П.П. Сахаров, в отличие от своих предшественников, рассматривал рабство как нечто, свойственное казакам изначально, еще до распространения в их среде крепостного права. Более того, он прямо обвинял сторонников идей о природном демократизме и «народоправстве» первых донских казаков в серьезном искажении фактов. Историк утверждал, что «уже к 1580 гг. временами проявлялась бессердечная жестокость некоторых крепостнических элементов не к одним пленным врагам-мусульманам, но и к отбитым у них людям из своей же братии христиан» (Сахаров, 1911: 7). Далее П.П. Сахаров приводил пример бытования у казаков в XVI в. не крепостничества, а откровенного рабства, с перепродажей пленников-христиан мусульманским торговцам (Сахаров, 1911: 7-8). И, в заключение, молодой автор ехидно писал, обращаясь к своим политическим противникам: «Этот пример инстинктов и настроений известного круга расслоившегося казачества не гармонирует, конечно, с известным образом казака-друга свободы и равенства, борца за веру и народность» (Сахаров, 1911: 8-9).

Таким образом, в интерпретации П.П. Сахарова, рабство проникло на Дон не в XVIII в., а в XVI в. И не удивительно: историк подчеркивал, что в числе первых казаков были дворяне и боярские дети, привыкшие иметь собственных крестьян и отправившиеся на Дон с целью обогащения (Сахаров, 1911: 8-9). И, хотя историк далее вполне признавал тот отмеченный Н.И. Красновым факт, что с эпохи Петра Великого «Дон чрезвычайно нуждался в притоке

новых людей для исполнения хозяйственных работ за отсутствовавших мужчин-хозяев», он, в отличие от своих предшественников, отнюдь не оправдывал на этом основании донских чиновников, воспользовавшихся ситуацией и закрепостивших тысячи переселенцев (Сахаров, 1911: 14). Напротив, П.П. Сахаров с праведным пафосом критиковал донскую элиту: «Старшины, под вечной грозой опалы сверху за укрывательство и нерадивый сыск, не знали зато удержу для своего произвола в деле материальной и нравственной эксплуатации рядового казачества и несчастных русских рабов, бежавших к казакам, якобы на свободу» (Сахаров, 1911: 14). Как мы видим, историк развил и усилил «антидворянскую» концепцию зарождения крепостного права в Донском Войске, предложенную еще В.Д. Сухоруковым, но затем вытесненную или смягченную представлением о «идеальном», выгодном для крестьян донском крепостничестве.

Что касается положения самих «белых рабов», то оно, по мнению П.П. Сахарова, с самого начала было тяжелейшим. Для XVII в. он считал характерной «угрозу Фрола Минаева перерезать своих рабов-татар» (Сахаров, 1911: 48). В XVIII в. «крепостных, по их показаниям и официальным свидетельствам, всячески томили и нещадно били» (Сахаров, 1911: 49). В XIX в. «три дня барщины не были на Дону редкостью, как и телесные наказания» (Сахаров, 1911: 49). И даже в начале XX в. в некоторых поселениях доживали люди, «помнившие жестокость панского “ката” Захарова; в растлевающей общественные нравы атмосфере крепостных отношений эти каты-палачи играли значительную и свирепую роль» (Сахаров, 1911: 50). Таким образом, именно П.П. Сахаров разрушил миф о сравнительной легкости донского крепостничества и обвинил донское дворянство, причем не только высшее, а всю его массу, в крайне жестком отношении к своим братьям по племени и по вере.

Еще важнее, что молодой историк направлял свою критику не только на давно исчезнувшее крепостное право, но и на «апологета донских рабовладельцев» А.А. Карасева (Сахаров, 1911: 50). П.П. Сахаров обвинял своего предшественника в том, что последний «раньше своего заключения напрасно не попробовал поставить на мгновение самого себя на место крестьянина, обязанного тремя днями барщины» (Сахаров, 1911: 50). На наш взгляд, это было очень важное смещение акцентов, невозможное у автора, сформировавшегося до 1860 гг. Если первые исследователи крепостничества на Дону только сравнивали донское крепостное право с крепостным правом российским, констатируя сравнительную легкость положения местных крестьян, то П.П. Сахаров, наконец, задался вопросом о аморальности крепостного права вообще и о ответственности казаков, претендовавших на то, что они являются носителями вольности и свободы, не только за закрепощение, но и за использование крепостных.

Нам остается констатировать, что из всех рассмотренных нами работ «Белое рабство на Дону» П.П. Сахарова наиболее критично по отношению к донскому казачеству. Хотя автор и пытался переложить основную вину за существование «белого рабства» на донских дворян, из его работы следовало, что с самого начала существования Донского Войска рабы-христиане на его территории были нормой, а своей вины перед русскими крестьянами, шедшими на Дон за свободой, а попавшими в кабалу, казачество так и не осознало.

И вполне естественно, что идеи П.П. Сахарова очень скоро были оспорены его политическими противниками, националистами не российскими, но казачьими. В 1917 г. один из ключевых идеологов казачьего национализма, Е.П. Савельев, опубликовал свой труд «Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим» (Савельев, 1917). Е.П. Савельев – самый известный из рассматриваемых нами авторов, человек, которому современные исследователи посвящают специальные статьи, создатель скандальных трудов о баснословно древнем, восходящем к дотроянским и доиудейским временам, происхождении казачества (Стегленко, 2016: 66-69). И если П.П. Сахаров довел до предела «сухоруковскую», обличительную тенденцию в дореволюционной историографии донского крепостничества, то Е.П. Савельев, напротив, абсолютизировал тенденцию «красновскую», оправдательную.

С его точки зрения, изначально в бегстве крестьян на Дон было виновато русское правительство, в XVII в. создавшее абсолютно невыносимые для простого люда условия: «Например, за долги помещиков и вотчинников отвечали их крестьяне, хотя они ни в чем не были виновны; их держали сколько хотели у приказной избы, били по ногам и всячески истязали, пока не доводили до увечья» (Савельев, 1917: 17). А в Донском Войске пришельцев, напротив, ожидали «простор и свобода», и ничто не мешало им «вступить в ряды

казачества» (Савельев, 1917: 19). Более того, сами казаки испокон веков были «поборниками народной свободы и независимости», и защищали крестьян от царского произвола (Савельев, 1917: 21). В интерпретации Е.П. Савельева даже булавинское восстание произошло из-за того, что станичники не приняли «насилия Долгорукова (правительственного чиновника, пришедшего за беглыми – А.П.) над крестьянами» и, увидев это насилие, «восстали от самого Бузулука и Хопра до Донца» (Савельев, 1917: 21).

Откуда же тогда вообще взялось крепостное право на совершенно чуждом ему вольном Дону? Е.П. Савельев вполне предсказуемо обвинял в этом имперское правительство. В отличие от всех своих предшественников, он отказывался рассматривать крестьян, переселившихся в XVIII в. на земли донских чиновников, как зависимое население. Казачий националист горячо доказывал, что это были «в сущности, свободные земледельцы», жившие в замечательных условиях: «Податная часть была организована образцово и, к чести казаков того времени, злоупотреблений в сборе податей почти что не было» (Савельев, 1917: 27). Но идилические отношения вольных крестьян и казаков разрушило правительство, в 1796 г. зачем-то закрепившее донских крепостных за местными чиновниками. «В 1796 году и для донских крестьян наступил свой «Юрьев день», запоздавший против московского на 200 лет, и бедному донскому крестьянству суждено было также нести тяготу крепостной зависимости, как и в остальной России», – сообщал на этот счет Е.П. Савельев (Савельев, 1917: 28). После всего вышесказанного совершенно предсказуемо, что донской автор, хотя и позволил себе довольно мягкую критику донских помещиков, перенявших привычки русских бар, все же оказался не готов поставить знак равенства между донским и российским крепостным правом (Савельев, 1917: 30). Правда, он признавал, что в компактно расположенных крестьянских поселениях Миусского и Донецкого округов «царили такой гнет и произвол, которые памятливы и до сих пор старожилам» (Савельев, 1917: 35). И все же Е.П. Савельев считал, что на остальных крестьян, живущих в казачьих станицах, напротив, казаки оказывали положительное влияние «живым примером свободы личности и инициативы своего труда» (Савельев, 1917: 35).

Нам осталось подвести итог, констатируя, что Е.П. Савельев не только смягчал, насколько это возможно, тяжесть крепостного права на Дону, но и максимально перекладывал вину за него с казаков на правительство. При этом, в отличие от профессионального историка П.П. Сахарова, обосновавшего свои новые идеи прежде не вовлекаясь в научный оборот фактами, Е.П. Савельев в основном пересказывал факты уже известные, но давая им новую, зачастую крайне сомнительную трактовку, например, без всяких обоснований называя переселявшихся на земли донской старшины в XVIII в. крестьян не зависимым населением, но «свободными земледельцами». Однако появление его работы, пусть и достаточно слабой фактически, было симптоматично. Пока исследователи просто констатировали факт существования крепостничества на Дону, еще и идеализируя его формы, социального заказа на такую книгу не было. Но после публикации книги о «белом рабстве» в казачьей среде, после брошенных П.П. Сахаровым обвинений в том, что казаки с зари своей истории до 1861 г. практиковали рабовладение, создание ответной, оборонительной публикации, защищающей миф о «казаке-друге свободы и равенства, борце за веру и народность», последовало очень быстро.

5. Заключение

В наши дни проблема ответственности за преступления предыдущих поколений очень остро стоит в наиболее развитых странах. В то же время для российской культуры признание подобной вины в целом не характерно. «В нашей стране принято не «преодолевать» прошлое, а гордиться им. Если современных берлинских школьников, чтобы они знали и помнили об ужасах уже далекого от них прошлого и учились «преодолевать» его, приводят в музей бывшего нацистского концлагеря Заксенхаузен, то их московских сверстников водят на экскурсии в Кремль, Исторический музей и Оружейную палату – гордиться великим имперским и советским прошлым, славными военными победами предков, блеском оружия, орденов, золота и бриллиантов», – пишет об этом профессор Б.Л. Хавкин (Хавкин, 2019: 37). И на первый взгляд достаточно экзотический пример историографии рабства в среде донских казаков хорошо иллюстрирует этот тезис.

Прежде всего, следует отметить, что образ казака-рабовладельца оказался почти полностью вытеснен из исторической памяти. Хотя, как мы видели, рабство в казачьей среде восходит к XVI в., а к 1860 г. в Донском Войске жили тысячи крепостников и сотни тысяч крепостных, даже у современников и ближайших потомков парадокс крепостного права на вольном Дону не вызвал особенного интереса. Работы же казачьих авторов на эту тематику не столько раскрывали проблему, сколько маскировали ее, в предельном варианте (у С.Ф. Номикосова и Е.П. Савельева) рисуя идиллическую картину счастливых крестьян, сбежавших от угнетавших их хозяев к добрым донским чиновникам. Таким образом, сама проблема ответственности бывших хозяев перед бывшими рабами снималась: они описывались не как угнетенные и угнетатели, но как благодетели и благодетельствуемые. Если же жестокость отдельных проявлений крепостничества и признавалась, то вина за них возлагалась на узкую группу богатейших донских дворян, группу, оторвавшуюся от казачества и усвоившую порядки «аристократов» или русских бар.

Более того, со временем идеализация донского крепостного права только усиливалась. Пропадали сюжеты о старшине, обманом закабалившей людей, мечтавших стать казаками; появление крепостничества в Донском Войске представлялось все более и более объективным процессом; даже положение крепостных со временем описывалось все благоднее. Понятно, что на этом фоне сочувствие к крестьянам со временем скорее ослабевало. Как ни парадоксально, вопрос о том, что интересы крепостных «братьев наших по происхождению, языку и религии» должны учитываться при реформах казачьего края, оказался полнее всего представлен в творчестве представителей богатого семейства Красновых, причем представителей, заставших времена, когда их род владел крепостными.

На этом фоне отдельные авторы, жестко писавшие о вине казаков перед крестьянами, прежде всего, В.Д. Сухоруков и П.П. Сахаров, встречались с серьезной критикой своих работ. Характерно, что критика эта была в значительной мере заочной и непрямой: их оппоненты не указывали прямо, чьи идеи они опровергают, но фактически выстраивали свои доводы так, чтобы снять с казаков ответственность за «белое рабство». И, в конечном счете, их борьба увенчалась успехом. Современные казаки обычно хорошо знают заслуги казачества перед остальным народом России, а вот о порабощении казаками единоверцев, практиковавшемся в XVI-XIX в., даже не подозревают. И нам остается констатировать: с помощью идеализации донского крепостничества, и переложения вины за его введение на высшее дворянство и власти, дореволюционные донские авторы смогли оправдать «белое рабство» на Дону, по крайней мере в своих глазах и глазах многих своих читателей.

Литература

Воспоминания..., 1873 – Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // *Военный сборник*. 1873. № 12. С. 363-380.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.

Карасев, 1867 – Карасев А.А. Донские крестьяне // *Труды Донского Войскового статистического комитета*. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 69-121.

Карасев, 1871 – Карасев А.А. Василий Дмитриевич Сухоруков. Донской писатель // *Русская старина*. 1871. Т. III. С. 236-240.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // *Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского*. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

Мининков, 2015 – Мининков Н.А. Письма П.П. Сахарова Х.И. Попову // *Донской временник*. 2015. Вып. 23. С. 198-200.

Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов // *Человек второго плана в истории*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2007. С. 308-327.

- Номикосов, 1884** – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Попов, 1814** – *Попов А.Г.* История о Донском Войске. Ч. I. Харьков, 1814. 196 с.
- Ревин, 2005** – *Ревин И.А.* Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в.-1861 г. Ростов-на-Дону, 2005. 188 с.
- Савельев, 1917** – *Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем. Новочеркасск, 1917. 80 с.
- Сахаров, 1911** – *Сахаров П.П.* Белое рабство на Дону. К 50-й годовщине освобождения донских крестьян. Новочеркасск, 1911. 52 с.
- Сватиков, 1924** – *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549 – 1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Стегленко, 2016** – *Стегленко Е.В.* Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2016. № 1 (189). С. 66-69
- Сухоруков, 1891** – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822-1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
- Хавкин, 2019** – *Хавкин Б.Л.* «Особые пути» России и Германии в XX веке: «преодоление прошлого» в культуре памяти // *Новое прошлое.* 2019. № 3. С. 26-43.
- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history.* 2011. № 2 (10). Pp. 138-149.
- Volvenko, 2016** – *Volvenko A.A.* Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s) // *Russkaya starina.* 2016. Vol. (17), Is. 1. Pp. 33-40.

References

- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history.* 2(10): 138-149.
- Dontsy, 2003** – *Dontsy XIX veka [Don Cossacks of the XIX century].* Rostov-on-Don. 2003. 599 p. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Karasev, 1867** – *Karasev, A.A.* (1867). Donskie krest'yane [The peasants of Don]. *Works of the Don Host statistical committee.* Vol. I. Novocherkassk. Pp. 69-121. [in Russian]
- Karasev, 1871** – *Karasev, A.A.* (1871). Vasilii Dmitrievich Sukhorukov. Donskoi pisatel' [Vasilii Dmitrievich Sukhorukov. The Don writer]. *Russkaya starina.* T. III. Pp. 236-240 [in Russian]
- Khavkin, 2019** – *Khavkin, B.L.* (2019). «Osobyie puti» Rossii i Germanii v XX veke: «preodolenie proshlogo» v kul'ture pamyati [«Distinct ways» of Russia and Germany in the XX century: «overcoming the past» in the culture of memory]. *Novoe proshloe.* 3: 26-43. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev, V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Starye Veshki. A narrative about Cossacks]. Rostov-on-Don. 464 p. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – *Korshikov, N.S., Korolev, V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [The Don historian V.D. Sukhorukov and his «Historical description of the Don Host Oblast»]. *Sukhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo.* Rostov-on-Don. Pp. 7-18. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. 596 p. [in Russian]
- Krasnov, 1909** – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. 522 p. [in Russian]
- Mininkov, 2015** – *Mininkov, N.A.* (2015). Pis'ma P.P. Sakharova Kh.I. Popovu [The letters of P.P. Sakharov to Kh.I. Popov]. *Don vremennik.* 23: 198-200. [in Russian]
- Morozova, 2007** – *Morozova, O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets»: general-maior I.S. Ul'yanov [«A distinguished Don Cossack»: general-major I.S. Ul'yanov]. *Chelovek vtorogo plana v istorii.* Vol. 4. Rostov-on-Don. Pp. 308-327. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. 774 p. [in Russian]
- Popov, 1814** – *Popov, A.G.* (1814). Istoriya o Donskom Voiske. Ch. I. [A story about the Don Host. Ch. I.]. Kharkov. 196 p. [in Russian]

Revin, 2005 – Revin, I.A. (2005). Stanovlenie krest'yanskogo sosloviya na Donu i v Priazov'e: vtoraya polovina XVIII v.-1861 g. [Establishment of the peasantry estate on the Don and in Pryazovia: second half of the XVIII century – 1861]. Rostov-on-Don. 188 p. [in Russian]

Sakharov, 1911 – Sakharov, P.P. (1911). Beloe rabstvo na Donu. K 50-i godovshchine osvobodzheniya donskikh krest'yan [White slavery on the Don. To 50th anniversary of the Don peasants' emancipation]. Novocherkassk. 52 p. [in Russian]

Savel'ev, 1917 – Savel'ev, E.P. (1917). Krest'yanskii vopros na Donu v svyazi s kazach'im [Peasant matter on the Don in relation to Cossack]. Novocherkassk. 80 p. [in Russian]

Steglenko, 2016 – Steglenko, E.V. (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i voiska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savel'ev on the relationships of Russian government and the Don Host and the incorporation of Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69 [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – Sukhorukov, V.D. (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in years 1822-1832]. Novocherkassk. 302 p. [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.) [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrade. 592 p. [in Russian]

Volvenko, 2016 – Volvenko, A.A. (2016). Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s). *Russkaya starina*. 17(1): 33-40.

Vospominaniya..., 1873 – Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova [Memories of an old Don Cossack. From the posthumous notes of general-lieutenant Krasnov]. *Voennyi sbornik*. 1873. 12: 363-380. [in Russian]

Восприятие «белого рабства» донскими дореволюционными авторами: механизмы критики и самооправдания

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия донскими казаками XIX-начала XX вв. крепостного права на территории Войска Донского. К этому времени уже сформировались традиционные образы казака как защитника земли русской (т. е., жителей этой земли) и/или природного сторонника народоправия. Понятно, что факт распространения сначала рабства, а затем крепостного права в казачьей среде никак не соответствовал подобным образам, и это противоречие даже сподвигло одного из первых профессиональных донских историков, П.П. Сахарова, написать специальное исследование, посвященное «белому рабству» (его оригинальный термин) на Дону.

Однако, проанализировав труды других донских авторов о крепостном праве в Войске Донском, мы пришли к выводу, что для казаков было характерно не признание ответственности за подчинение части русских крестьян, но, напротив, идеализация соответствующих сюжетов казачьего прошлого. Большая часть авторов либо вовсе не оценивала существования крепостного права на Дону, либо подчеркивала его сравнительную легкость. Со временем данная тенденция только нарастала, закончившись формированием концепции, в соответствии с которой крестьяне осознанно бежали на Дон, чтобы стать зависимыми у донских чиновников, создававших для них хорошие условия. Если отдельные случаи жестокости хозяев и признавались, то они приписывались узкому кругу высшего донского дворянства, оторвавшемуся от казачьей массы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю.Перетяtko)

Таким образом, пример восприятия донскими авторами «белого рабства» служит наглядной иллюстрацией того, как хозяева зависимого населения и их потомки оправдывают себя. В рамках логики большинства рассмотренных нами работ, бывшие крепостные в основной массе не страдали от своего положения. Если же отдельные авторы указывали на ошибочность такого восприятия, то их работы вскоре после выхода подвергались критике.

Ключевые слова: донское казачество, крепостное право, «белое рабство», механизмы коллективной памяти, региональная историография.